

Гадатель смотрел на них, особенно долго и пристально — на Лу Чжэнмина. Его морщинистое лицо выражало странные чувства, но больше он не посмел ничего сказать.

Поиздевавшись над Лу Чжэнмином, Хэ Сы тоже умолк. Высокая температура спала, но лёгкий жар остался, голова гудела, словно в ней кипела вода, и в ушах стоял звон. Он устало прислонился к полуразрушенной стене, время от времени перебирая чётки.

Чжунчжун, ах, Чжунчжун, если ты не придёшь вытащить меня, то больше никогда не увидишь своего мягкого, доброго, приветливого и милосердного господина наместника.

Только он мысленно отхлестал Чжао Цзинчжуна сто восемьдесят раз, как снаружи храма раздался пронзительный крик ночной совы. Зловещий звук трижды облетел вокруг храма.

Хэ Сы мгновенно открыл глаза. В тот же миг Лу Чжэнмин протянул ему полувысохшую одежду. Его тёмные, глубокие глаза смотрели на бледное, покрытое холодным потом лицо Хэ Сы:

— Уже поздно. Тебе пора домой.

Хэ Сы спокойно хмыкнул и протянул руку за одеждой, но Лу Чжэнмин не отпускал её.

Хэ Сы слегка приподнял бровь.

Лу Чжэнмин наклонился, заботливо накидывая одежду на плечи Хэ Сы. Они стояли так близко, что он почти прошептал ему на ухо:

— Сегодня мы с вами, господин наместник, прошли через жизнь и смерть, можно сказать, сроднились. Не знаю, согласитесь ли вы выполнить мою просьбу и немного поддержать этого низкого чиновника?

Хотя слова его были полны лести, на лице не было и тени подобострастия. В глазах же светилась лёгкая насмешка, словно он вправду говорил с возлюбленной.

Такая близость заставила Хэ Сы вздрогнуть всем позвоночником. Он подскочил, словно кошка, наступившая на хвост, и одежда соскользнула с его плеча:

— Как ты смеешь!

Его гневный окрик ни капли не испугал Лу Чжэнмина. Тот, наоборот, ловко подхватил соскользнувшую одежду и с наигранным удивлением сказал:

— Господин наместник, что вы говорите? Вы сияете, как луна на снежных вершинах Тянь-Шаня, кто во всём Поднебесной посмеет быть с вами дерзким? Я лишь хотел доставить вам радость.

Хэ Сы: «...»

Да брось ты! Если «доставить радость» — это уже хватать руками, то что будет, если я велю тебе «порадовать» меня? Ты что, сразу раздеваешься и ложишься в постель?

Старик в углу сладко посапывал, но шум разбудил его. Он сонно открыл глаза, увидел двух мужчин, которые тянули друг у друга одежду, широко раскрыл их и ахнул: «Ой!»

На него тут же обрушился убийственный взгляд Хэ Сы.

Взгляд Лу Чжэнмина тоже холодно скользнул по нему.

Старик поспешно зажмурился, губы его зашевелились: «Снится, снится...» — и он перевернулся на другой бок.

Хэ Сы: «...»

Лу Чжэнмин: «...»

Свист снаружи храма становился всё настойчивее. Если задержаться ещё, люди, наверное, ворвутся прямо сейчас. Хэ Сы с мрачным лицом оттолкнул Лу Чжэнмина, вцепился руками в воротник и грубо закутался в одежду:

— Проваливай.

Лу Чжэнмин тут же «провалился» в сторону, любезно расчищая ему дорогу.

...

У Чжао Цзинчжуна снаружи уже губы онемели от свиста, когда он наконец увидел, как его господин наместник с раскрасневшимся лицом и в растрёпанной одежде широко шагнул из храма. Он поспешил навстречу, глаза наполнились слезами:

— Господин наместник, подчинённый наконец нашёл вас! Всё из-за моей нерасторопности, вы так пострадали! Подчинённый заслуживает десяти тысяч смертей!

Янь Чунь и остальные тоже низко склонили головы, признавая свою вину и взывая к смерти.

Хэ Сы с каменным лицом оглядел их:

— Если я скажу, что вы заслуживаете смерти, вы что, правда умрёте?

Чжао Цзинчжун: «...»

Прочие: «...»

Хэ Сы фыркнул, оглянулся на продуваемый со всех сторон храм и холодно приказал:

— Возвращаемся во дворец.

Чжао Цзинчжун колебался и тоже посмотрел на храм:

— А это?

Хэ Сы медленно, с усилием приподнял веки:

— Там внутри кто-то есть?

Чжао Цзинчжун мгновенно сориентировался:

— Нет, никого.

Разве что тот лис-искуситель, что пытался соблазнить господина наместника мужскими чарами, чтобы выслужиться!

Когда звуки шагов затихли вдали, в храме костёр по-прежнему тлел вяло, пламя колыхалось.

Похожий на обугленное полено Лу Чжэнмин спокойно сидел у огня, медленно срезая маленьким ножом обгоревшую плоть с раны. Пот стекал по его шее ручьями, но рука, держащая нож, не дрогнула ни на йоту.

В углу раздался шорох. Старик, который, казалось, спал, медленно поднялся, осторожно окинул взглядом выражение лица Лу Чжэнмина и, убедившись, что всё в порядке, кое-как доплёлся до противоположной стороны и сел.

Лу Чжэнмин совершенно не обратил внимания на его действия, продолжая скоблить рану. Лишь спустя долгое время он разжал побелевшие губы:

— Всё убрано?

В полуразрушенном храме сгорбленная фигура старика постепенно выпрямилась. Вместе с выпрямленной спиной исчез и тот запах тления, что витал вокруг него. В сочетании с морщинистым лицом это выглядело крайне неестественно. Когда же он заговорил, голос сменился на полный сил молодой:

— Готово. Мёртвых похоронили, живые больше не заговорят.

Лу Чжэнмин по-прежнему терпеливо обрабатывал свою рану. Движения его были быстры и точны, словно он срезал кожу не с собственного тела. Спустя некоторое время он хмыкнул: «Угу».

Мастер физиогномики, глядя на его размашистые движения, почувствовал, как у него самого заныла плоть, и поспешно отвел глаза, уставившись на дырявую деревянную дверь храма:

— По дороге я встретил агентов Восточной следственной палаты. Выглядели подозрительно, всё высматривали, будто кого-то искали...

— Хочешь спросить — спрашивай прямо, — раздражённо оборвал его Лу Чжэнмин. — Ума с горошину, а ещё пытаешься ходить кругами. Думаешь, я такой же дурак, как ты?

Мастер, огорошенный такой прямоотой, обиженно потер кончик носа. Он пробормотал пару ругательств про себя, потом вдруг хихикнул и, понизив голос, спросил:

— Этого красавчика в беде, откуда ты его прихватил? Такой статный, губы алые, зубы белые~ Я слышал, новый наместник в Восточной палате как раз его лет, говорят, тоже лицом будто яшмой отполирован, дух захватывает~

Лу Чжэнмин равнодушно хмыкнул:

— Это он и есть.

Мастер физиогномики онемел.

Лу Чжэнмин, видя его остолбенение, приподнял бровь и усмехнулся — внутри и снаружи сквозила наглость:

— Сам же догадался, чего ещё от меня хочешь услышать? Кстати, — он вытер лезвие ножа об одежду, — эта твоя болтовня тогда... правда или ложь?

Если это болтовня, то какая же тут правда? Мастер почувствовал, что его оскорбили вдвойне, но, встретившись с ледяным взглядом собеседника, проглотил уже готовые сорваться с языка ругательства. Он сглотнул:

— Наполовину правда, наполовину ложь.

Лу Чжэнмин произнёс: «Ага».

Мастер цыкнул:

— Не знаю как насчёт прочего, но твоя часть — точно ложь. — Он рассмеялся. — С твоей-то рожей несчастья, да ещё и судьба Циша-Таньлан-Поцзюнь, судьба полководца? Не боишься, как бы родовые могилы от стыда огнём не возгорелись до самых небес?

Лу Чжэнмин ухмыльнулся, кончиком пальца щёлкнул по рукояти — и маленький нож со свистом полетел прямо в глотку собеседника.

Улыбка не успела сойти с лица мастера, как он вскрикнул: «Мама родная!» — подскочил и повалился набок. Лезвие просвистело у самого виска и со звоном вонзилось в стену позади. В панике он закричал: «Ты же, кажется, уже на ладан дышишь???»

Лу Чжэнмин, с лицом, залитым потом, презрительно посмотрел на него:

— Даже если в следующее мгновение я протяну ноги, в этом мгновении мои навыки ещё при мне.

Мастер сдался. Он всерьёз начал сомневаться, в порядке ли его собственная голова, раз он связался с этим жестоким, грубым и своевольным чёртом. Дрожа, он поднялся с земли, жалостливо отряхивая пыль со своей рваной одежды:

— Грубиян, неотёсанный мужлан! Я всё-таки брат, который на тебя работает, а ты без всякой жалости руки распускаешь! Всё, не работаю!

Лу Чжэнмин остался невозмутим, неспешно разрывая ткань для перевязки.

Этот парень из трёхсот шестидесяти пяти дней в году триста шестьдесят грозитя бросить. Он привык.

Мастер, видя, что его односторонний разрыв отношений несколько не пугает собеседника, сник. Уныло подобрав полы халата, он уселся на прежнее место:

— Ты же хотел внедриться в Императорскую гвардию и пробиться наверх? Как же так вышло, что связался с Восточной палатой? И не говори, что не знал: здешние Восточная палата и Императорская гвардия — что огонь и вода, враги, которые грызутся уже сотни лет.

— В Гвардии пока не пробиться, — лениво ответил Лу Чжэнмин. — Последнее дело провалил, путь наверх закрыт. — Он говорил так, словно это его совершенно не касалось. — Вот и подумал о другом пути. Посмотрим, получится ли пройти через Восточную палату.

Мастер физиогномики изумлённо ахнул:

— Ты что, хочешь в Восточную палату евнухом пойти???

Лу Чжэнмин: «...»

<http://bllate.org/book/16284/1467055>